Николай Ходов

Денис Буточников

Рассказы

Художник Елена Дагоднова

Третий ящик Пандоры

Был поздний вечер, а я всё ещё сидел в своём кабинете и проверял контурные карты. Очень хотелось закончить эту работу и уже к завтрашнему дню выставить оценки в журнал, потому что на дворе стоял декабрь и приближался конец полугодия. Вдруг дверь кабинета неожиданно открылась и на пороге возник Михаил Кузьмич.

– О, а ты чего здесь? – удивился он. – Я смотрю – свет говорит, думал выключить забыли…

– А я дурака свалял: на один день сразу всем седьмым классам контурные карты задал! Вот теперь и сижу с ними, – ответил я, слегка откинувшись на спинку стула и потягиваясь. – Но ничего, мне уже чуть-чуть осталось.

– Слушай, ну я тогда школу закрываю, – заключил Михаил Кузьмич, окинув быстрым взглядом пачки контурных карт, плотно заполонившие мой стол, – а запасной ключ от школы сам знаешь – у Светланы Львовны в тумбочке. Только не забудь его завтра утром привезти и на место положить.

Я кивнул, потому что знал, где лежит ключ от школы, которым учителя пользовались, если кто-то из них задерживался. И тем более знал, что утром его надо положить на место. Это были ещё те годы, когда в школах никто и слыхом не слыхивал ни про каких охранников, тревожные кнопки, камеры видеонаблюдения и прочие атрибуты современности. Школьные двери тогда даже ещё не металлические, а хоть большие и тяжёлые, но просто деревянные, закрывались обычным ключом на банальный внутренний замок. И ключей этих было несколько: один у директора, один у дворника, один у завхоза и ещё у некоторых сотрудников, раньше других приходивших на работу или живших поблизости. В нашей школе был и ещё один запасной ключ, который лежал в условленном месте, а именно в кабинете труда девочек (или в «кабинете домоводства» как он тогда назывался). И этим ключом в случае чего мог воспользоваться любой учитель или сотрудник школы.

Михаил Кузьмич ушёл, а я посидел над картами ещё с полчаса и, выставив в журнал последнюю колонку оценок, начал собираться домой. Переодев ботинки, надев куртку, шапку и замотав горло тёплым шарфом (на улице было очень холодно), я прихватил журналы, выключил свет в кабинете и направился в учительскую. Там, распихав журналы по своим ячейкам, я снял со стенда ключ от кабинета домоводства и уже хотел спускаться вниз, на первый этаж, как вдруг мой взгляд упал на телефон, стоявший на столе, и я решил им воспользоваться (потому что мобильных в то время тоже ещё не было). Набрав номер своего домашнего телефона, я после нескольких гудков услышал голос мамы:

– Слушаю вас.

– Мамулечка, привет! Я на сегодня закончил, выезжаю домой, через часик буду.

– Хорошо, давай скорее, а то уже совсем поздно! – озабоченно произнесла она.

Я положил трубку, щёлкнул выключателем и пошёл на первый этаж в кабинет Светланы Львовны за ключом от школы. Я спешил домой и мои быстрые шаги гулким эхом разлетались по тёмным и пустым школьным коридорам. Простучав тяжёлыми зимними ботинками по ступеням лестницы, я ловким движением вогнал ключ в замочную скважину и, два раза повернув его, широко распахнул дверь кабинета домоводства. Не задерживаясь ни секунды, я почти бегом направился к тумбочке, где лежал ключ от школы, второпях резко дёрнул верхний ящик и не рассчитал: он оказался гораздо короче, чем ожидалось. Совершенно неожиданно ящик легко выскочил наружу и грохнулся к моим ногам. Ключа в нём не оказалось, зато обнаружилось огромное количество разноцветных катушек с нитками и мотков с шерстью, которые весёлым новогодним серпантином брызнули в разные стороны. В одно мгновение кабинет приобрёл такой вид, как будто в нём всю ночь играла кошачья семья, состоящая преимущественно из маленьких шаловливых котят. Но это ещё было не всё. Из этого же злополучного ящика буквально веером высыпалось несколько десятков небольших коробочек с булавками и иголками, которые, естественно, тут же раскрылись, и теперь между нитками в полутёмном классе на полу ярко засверкали металлические светлячки. Что и говорить, было очень красиво, но я тогда не оценил этой красоты, а только обругал себя за такую неловкость. Включив в кабинете полный свет, я, как был в куртке и шапке, бухнулся на колени и принялся собирать всё это великолепие. Минут через пятнадцать беспрерывного ползанья мне пришлось раздеться, потому что пот заливал глаза, а шарф нестерпимо давил на шею. Я очень спешил, руки меня не слушались, и очень часто я ронял клубок или катушку, которые радостно убегали от меня, разматывая хвосты ниток ещё длиннее. Английские булавки я вернул на место довольно быстро, а вот простые так и норовили впиться мне в пальцы, и я в спешке сильно исколол себе руки, прежде чем собрал их все до единой.

Наконец я кое-как закончил с этой дурацкой, незапланированной работой и, затолкав ящик на место, с трудом выпрямился. Переведя дух, второй ящик я выдвигал уже более осторожно, и, когда вынул его из тумбочки, он у меня не упал. Я уже хотел задвинуть его на место, потому что ключа в нём тоже не оказалось, но в этот момент произошло то, чего я совершенно не ожидал: дно у ящика внезапно вывалилось и у меня в руках остался только его корпус с передней стенкой, а всё содержимое разлетелось далеко по полу. К счастью, ниток там не было, иголок тоже. Зато там были пуговицы. Их было много, разных и по цвету, и по размеру, и даже по материалу, из которого они были сделаны. Это я выяснил, снова ползая под столами и партами, то и дело ударяясь обо что-то головой, ругаясь про себя на

чём свет стоит и искренне благодаря Светлану Львовну за то, что она перед уходом чисто помыла полы в кабинете. В середине работы я вспомнил о маме, которая, наверное, совсем уже заждалась меня, и, бросив своё бесконечное ползанье, пошёл наверх в учительскую, чтобы позвонить домой. Трубку сняли с первого же гудка:

– Слушай, мам, я тут неожиданно задержался и даже не выхожу ещё. Ты не жди меня, ложись спать, а то совсем поздно будет, когда я приеду, – скороговоркой протараторил я, поскольку хотелось поскорее сообщить о задержке и вернуться к работе.

– А что случилось? – с явной тревогой в голосе спросила мама.

– Да ничего страшного, я тут пуговицы собираю, – ляпнул я первое, что пришло мне в голову.

– Какие пуговицы? – не поняла мама.

– Ой, мамулечка, приеду – объясню, а то тут работы ещё непочатый край! – постарался я как можно скорее свернуть разговор.

– Ну хорошо, – согласилась мама, – я тогда картошку в одеяло заверну, может, не остынет…

Я поблагодарил её за заботу и положил трубку. Через несколько минут я уже вновь ползал по полу, собирая эти злополучные пуговицы. Причём совершенно неожиданно для себя заметил вот такую неприятную деталь: когда тебе кажется, что всё уже собрано, и ты готов подняться на ноги, то взгляд тут же замечает какую-нибудь маленькую зловредную пуговичку, тихонечко притаившуюся за ножкой стола или стула и лукаво поглядывающую на тебя. В этой ситуации приходится опять опускаться на колени, подбирать её, но тут же ты видишь ещё одну, лежащую в другой части класса. И если после падения первого ящика я больше ползал, то теперь ещё и периодически вскакивал на ноги, как заправский ванька-встанька. В ходе этой работы я даже разулся, потому что в зимних сапогах вставать и приседать было очень неудобно и жарко. «Да, видели б меня сейчас мои ученики!» – подумал я, лёжа на животе и шаря ладонью под шкафом в поисках закатившихся туда пуговиц.

Наконец всё было более-менее собрано. Теперь мне стало совершенно очевидно, что ключ находится в третьем, самом нижнем ящике. Я подполз к нему на четвереньках, потому что вставать уже не было сил, аккуратно выдвинул, подсунул ему под дно пальцы, чтобы оно, не дай Бог, не выпало, и медленно, буквально не дыша, поднялся на ноги. Содержимое ящика полностью скрывала какая-то выкройка на жёлтой миллиметровой бумаге. Поскольку руки у меня были заняты, я осторожно поставил его на ближайшую парту, рядом со своей одеждой, и поднял миллиметровку. Это была выкройка какого-то фартука или халата. Отложив её в сторону, я увидел заветный ключ, лежащий в небольшой металлической коробочке без крышки.

– Фу-у-у, – непроизвольно вырвалось у меня, – долго же я до тебя добирался!

Оглянувшись ещё раз, не валяются ли где пуговицы или булавки, я сунул ключ

в карман, глянул на часы, прикидывая, во сколько буду дома, и стал поспешно одеваться, потому что поздний вечер уже переходил в ночь. Зашнуровывая ботинки, я вспомнил про горячую картошку, которую мне оставила мама, и серьёзно задумался, остынет она или нет: уж очень не хотелось разогревать её на ночь глядя. Поразмыслив немного, я принял волевое решение, что даже если к моему приезду картошка и остынет, то в этом нет ничего страшного: можно съесть её и холодной, в конце концов, не из холодильника же она будет! Бросив взгляд за окно и отметив яркую полную луну, я понял, что на улице стало ещё холоднее, чем днём, и поплотнее замотал шарф, чтобы не простудиться после моих занятий «напольной физкультурой».

«Главное, чтобы транспорт ещё хоть как-то ходил!» – подумалось мне, когда я, ухватившись за куртку, лежавшую на парте, рывком потянул её на себя, чтобы скорее одеться и начать свой путь к дому. Страшный грохот прокатился по школе так неожиданно, что я в первую секунду даже не понял, чем он вызван, хотя всё произошло прямо на моих глазах. Нижний ящик, откуда я достал ключ, как оказалось, одним своим краем стоял на моей куртке, которую я так неосторожно и резко сдёрнул с парты. Тяжёлая куртка легко смахнула полупустой ящик, зацепив его своим боковым карманом, и тот, перевернувшись, полетел на пол. Он действительно был полупустой. В нём, после того, как я вынул миллиметровку и ключ от школы, находилось всего две вещи – жестяная коробочка из-под ключа и пластиковый лоток со множеством ячеек, в каждой из которых хранился бисер определённого цвета и размера. Сейчас этот бисер, словно миллионы обезумевших разноцветных кузнечиков, весело прыгал по всему полу, не только раскатываясь по углам и прячась под мебель, но и неудержимым потоком стремительно выплёскиваясь через распахнутую дверь кабинета в коридор и моментально исчезая там в темноте. Эхо от упавшего ящика уже давно отзвучало в пустой школе, а я ещё долго слышал шорох катившегося по этажу бисера. Не знаю, сколько времени я простоял с курткой, накинутой на одно плечо, но, наверно, долго, потому что опять вспотел. Потом я сделал несколько шагов к

двери, чтобы оценить масштабы бедствия, но тут же чуть не поскользнулся на мелких цветных шариках, рассыпанных по всему полу. Я даже не ругался, настолько был обескуражен произошедшим, и вообще не верил, что такое могло произойти со мной наяву. Я живо представил себе, как завтра Светлана Львовна начнёт проводить урок, а лоток с бисером пустой. А ещё представил себе детей, скользящих и падающих на этих предательских горошинах, и понял, что не видать мне сегодня ни горячей, ни холодной картошки, пока не соберу всё это разноцветье!

Сначала я снова разделся, потому что по прежнему опыту знал, что для ползанья по полу и под мебелью нужна хорошая гибкость и поворотливость, а когда имеешь дело с разбегающимся от малейшего движения бисером, нужна тройная гибкость и ловкость. Потом я попытался веником замести рассыпанные крупинки. Как оказалось, для этого требовались особые навыки, ибо стоило сделать движение чуть резче, как круглые шарики вместо того, чтобы сбиться в одну кучу, резво разбегались по новым направлениям, и всё приходилось начинать сначала. Когда я в конце концов нагрёб огромную кучу бисера вперемешку с пылью и мусором, то приступил к его переборке и сортировке. Выглядело это следующим образом: сначала, стоя на четвереньках, я насыпал на лист белой бумаги некоторую порцию бисера, затем очень аккуратно выпрямлялся и нёс этот лист до парты. Потом, вооружившись пинцетом, позаимствованным мной в кабинете химии, я какое-то время выбирал разноцветные шарики с бумаги, раскидывая их по ячейкам. Когда глаза начинали слипаться, а пальцы переставали слушаться, я откладывал пинцет, опускался на колени и начинал собирать с пола отдельные бисеринки, не захваченные веником, так как лучший отдых – это смена деятельности. Бисеринки удобней было собирать сразу одинаковые, чтобы избежать их последующей сортировки. Сначала, как трудолюбивый муравей, я ползал по полу, занятый сбором синеньких шариков, потом жёлтеньких, потом красненьких, потом голубеньких, потом беленьких… Опираясь на локти, я одной рукой подхватывал нужную бисеринку и складывал её на сложенную лодочкой ладонь другой руки. Когда локти и колени немели, а поясница просто разламывалась, я опять возвращался к своему пинцету или нагребал из кучи с мусором очередную горсть бисера с пылью. В процессе работы, чтобы хоть как-то подбодрить себя, я пробовал петь, разговаривать сам с собой, считать бисер, устраивать «охоту» за каким-то определённым цветом. Но, если честно, это слабо помогало. Под утро я ползал по полу как робот-пылесос, словно слепой натыкаясь на мебель и стены кабинета. Конечно, работа продвигалась, но гораздо медленнее, чем хотелось бы. Мне даже удалось найти несколько пуговиц, булавок и одну катушку, не замеченные мною в прошлые разы, но не могу сказать, что меня это очень порадовало.

Так незаметно пролетела ночь. Настало раннее утро, а потом и просто утро. Я слышал, как пришли сначала дворник, потом директор. Когда я уже закончил сбор бисера в коридоре и всецело переключился на кабинет, в школу понемногу стали приходить сначала учителя, а потом и ребята. Буквально перед самым первым уроком я положил в лоток последнюю из найденных бисеринок, прихватил одежду и уже собирался идти, как послышались приближающиеся шаги и в кабинет вошла Светлана Львовна:

– Привет! – радостно поздоровалась она с улыбкой.

Было совершенно очевидно, что она хорошо выспалась и настроение у неё просто превосходное.

– Ты решил ко мне с утра в гости заглянуть? – пошутила она.

– Да нет, Светлана Львовна, я ключ от школы зашёл вернуть, – нашёлся я, вовремя вспомнив про ключ, который так и лежал в моём кармане, и, вынув его, возвратил на место в жестяную коробочку.

– Ой, слушай, – воскликнула Светлана Львовна, увидев всё ещё стоящий на парте ящик, – хорошо, что ты его вытащил, а то я всё забываю одно важное дело сделать! – и она быстрым движением извлекла из него лоток с бисером и в одно мгновение высыпала его в большое мусорное ведро, в ту самую пыль, которую я с таким трудом всю ночь отделял от него.

– Вы что?! – изумился я.

Ноги мои подкосились, и я безвольным мешком плюхнулся на подвернувшийся рядом стул.

– Да не жалей, он бракованный, – спокойно пояснила Светлана Львовна. – Девчонки весь хороший уже давно выбрали, а это некондит остался: у него дырочки обозначены, но до конца не прорезаны. Знаешь, как неудобно? Берёшь, пытаешься нитку в него вставить, а она не лезет! Но наконец-то я от него избавилась! – и она радостно улыбнулась мне.